МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ

СЕРГѢЙ ГЕССЕНЪ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ИДЕИ ЖИРОНДИСТОВЪ.

Къ исторіи политическихъ воззрѣній
въ эпоху революціи.

МОСКВА. 1917.

Ц. 1 руб.

Политическія идеи жирондистовъ.

Къ исторіи политическихъ воззрѣній въ эпоху революціи.

Однимъ изъ самыхъ яркихъ моментовъ Великой Революціи безспорно является борьба Жиронды и Горы. Борьба эта въ значительной степени опредѣлила характеръ и исходъ революціи, и, въ въ виду своей исключительной драматичности, она, пожалуй, наиболѣе рѣзко запечатлѣлась въ памяти потомства. Потребность историческаго оправданія и обоснованія текущихъ политическихъ стремленій также не мало способствовала указанному интересу. Да оно и понятно. Великая Революція всегда служила прообразомъ и высшей исторической инстанціей для послѣдующихъ революціонныхъ движеній, которыми столь богато было минувшее столѣтіе. На фонѣ наивной вѣры, не искушенной еще никакимъ опытомъ, непосредственнаго энтузіазма, не омраченнаго никакими разочарованіями, она, казалось, дала классическіе по величію своему образы, типическія по простотѣ своей формулировки. Эпигоны послѣдующихъ революцій охотно узнавали въ окутанныхъ легендою геройхъ родственныя или знакомыя черты. Какъ это всегда бываетъ въ исторіи, живые, не довольствуясь живыми же, пытались, подобно древнимъ грекамъ и римлянамъ, выходить на бой, заручившись содѣйствіемъ предковъ. Поэтому всякій разъ, когда на исторической сценѣ разыгрывалась драма народной революціи, появлялись вновь тѣни главныхъ героевъ Великой Революцій, снова

всплывали имена жирондистовъ и якобинцевъ, и на нихъ, не менѣе чѣмъ на живыхъ, сосредоточивались любовь, ненависть, порожденныя партійной борьбы потомковъ.

Недаромъ Ламартинъ, дѣятель 48-го года, написалъ легендарную апологію жирондистовъ, не напрасно коммуна 1871 г. вспоминала свою преошественницу—монтаньярскую коммуну 1793—94 годовъ.

При такихъ условіяхъ долгое время, конечно, не могло быть и рѣчи объ объективной характеристикѣ и оцѣнкѣ роли обѣихъ партій. Вопросъ о винѣ заслонилъ всѣ другіе вопросы и въ особенности вопросъ о характеристикѣ политическаго міровоззрѣнія партій. Этимъ и объясняется тотъ поразительный фактъ, что, несмотря на столѣтнее почти изученіе французской революціи, до самаго послѣдняго времени въ колоссальной литературѣ предмета не имѣлось изслѣдованій, посвященныхъ спеціально характеристикѣ политическихъ взглядовъ жирондистовъ и монтаньяровъ. Что касается первыхъ, то интересъ къ нимъ въ послѣднее время особенно оживился, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на детальномъ изученіи политическаго памятника, оставленнаго жирондистами,—проектѣ конституціи 1793 г., носящемъ названіе „La Girondine“ и вплоть до Олара мало обращавшемъ на себя вниманіе историковъ [1]). Впрочемъ, такому положенію дѣла способствовали и обстоятельства болѣе существеннаго характера. Если старые историки революціи, какъ, наприм., Мишле и Луи Бланъ, тщательно слѣдя за развитіемъ борьбы обѣихъ партій во всѣхъ ея фазахъ, на-ряду съ мотивами болѣе случай-

[1]) Изъ новѣйшей литературы отмѣтимъ: *M. Frayssinet* „La République des Girondins“. 1903. *Gahner—Duparc*: „La constitution girondine du 1793“. 1903. Затѣмъ, *Léon Cahen:* „Condorcet et la Révolution Française“. 1904. *Frank Alengry:* „Condorcet, Guide de la Révolution Française“. 1904, у него же и литературу предмета.

наго свойства всегда все-таки искали также и принципіальныхъ разногласій и видѣли причину вражды въ противоположности политическаго и даже философскаго міровоззрѣнія противникомъ, то новѣйшіе историки склонны, наоборотъ, отрицать идейную самостоятельность обѣихъ враждебныхъ группъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, наприм., Олара, противорѣчіе Жиронды и Горы отнюдь не носитъ столь общаго характера, какой ему приписывали раньше; оно основано на разногласіи въ вопросахъ текущей политики, правда, основномъ: жирондисты являются представителями департаментской, монтаньяры—парижской политики. Жоресъ въ еще большей степени отрицаетъ возможность говорить о политическомъ міровоззрѣніи жирондистовъ въ противоположность политическимъ взглядамъ монтаньяровъ. Ихъ теорія является, по его мнѣнію, лишь «предлогомъ, притянутымъ заднимъ числомъ для того, чтобы оправдать самонадѣянную и непримиримую оппозицію» [1]). Намъ кажется, однако, что въ данномъ случаѣ необходимо различать два вопроса: вопросъ о происхожденіи и причинахъ тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ и о наличности таковыхъ, какъ стройнаго и цѣльнаго міровоззрѣнія. Отъ перваго вопроса мы въ данномъ случаѣ отвлекаемся, какъ ни интересенъ онъ можетъ быть самъ по себѣ. Второй же вопросъ намъ кажется возможно разрѣшить положительно. Не только Оларъ, который въ вопросѣ о происхожденіи идейнаго разногласія защищаетъ въ общемъ ту же точку зрѣнія, которую раздѣляетъ и Жоресъ, говоритъ о двухъ противоположныхъ «политикахъ», но и Жоресъ, кото-

---

[1]) *Jaurès:* „La Convention", стр. 1459, 1447—1464. *Louis Blanc:* „Histoire de la Révolution Française", особенно Livre IX, Chapitre V. *Оларъ:* „Политическая исторія французской революціи". Книга II, глава 7, т. § 3. *Aulard:* „Les Orateurs de la Législative et de la Convention". T. 1. 2 éd., стр. 202и сл.

рый, пожалуй, изъ всѣхъ новѣйшихъ историковъ придерживается въ этомъ отношеніи самаго крайняго мнѣнія, все же упоминаетъ о «мнѣніяхъ» и «теоріяхъ» жирондистовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы и попытаемся конструировать политическое міровоззрѣніе жирондистовъ, основываясь на рѣчахъ ихъ въ законодательномъ собраніи и конвентѣ, публицистическихъ писаніяхъ ихъ того же времени и въ особенности на проектѣ конституціи, носящемъ ихъ имя [1]). Мы вполнѣ понимаемъ опасность и недопустимость такого метода конструированія для историка *событій*, но онъ намъ представляется совершенно необходимымъ для историка политическихъ теорій въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Въ данномъ случаѣ задача наша облегчается однако еще тѣмъ, что, какъ намъ кажется, возможно найти такую общую точку зрѣнія, которая позволила бы усмотрѣть нѣкоторое единство въ многообразіи случайно высказывавшихся взглядовъ, какъ бы ни были противорѣчивы тѣ дѣйствія, оправданіемъ которыхъ они должны были служить. Эта общая точка зрѣнія есть, какъ мы постараемся это показать ниже, точка зрѣнія національнаго суверенитета. По цѣлому ряду причинъ, о которыхъ тоже рѣчь будетъ итти ниже, идея національнаго суверенитета, идея націи, какъ сознавшаго свое единство и свои права народа, была господствующей политической идеей въ эпоху Великой Революціи. Она была пробнымъ камнемъ, опредѣлявшимъ характеръ того или

---

[1]) Рѣчи мы цитируемъ по *Buchez et Roux:* „Histoire parlementaire de la Révolution française". Помѣщенныя въ избранномъ собраніи рѣчей ораторовъ французской революціи, составленномъ *Stephens*-омъ— по этому собранію. *Stephens:* „Orators of the French Revolution". T. I. Проектъ конституціи („La Girondine") по *Buchez et Roux.* T. XXIV, стр. 106—154. Докладъ *Кондорсе* къ проекту по *Lallement:* „Choix de rapports, opinions et discours etc.". Tome XII. Paris. 1820.

иного политическаго міровоззрѣнія,—тѣмъ фокусомъ, въ которомъ въ концѣ-концовъ сходились тѣ или иные спеціальные взгляды, высказывавшіеся по случайнымъ поводамъ. Въ пониманіи націи, какъ единаго суверенаго народа, осуществляющаго черезъ посредство своихъ органовъ свою общую волю, не было разногласія. Это пониманіе было тѣмъ общимъ фономъ, на которомъ тѣмъ рѣзче вырисовывались принципіальныя разногласія, касавшіяся организаціи національнаго суверенитета, способа осуществленія національной воли. Въ этомъ коренномъ вопросѣ общей политики *теоретическое* разногласіе обѣихъ партій предоставленной самой себѣ революціи несомнѣнно. Если обѣ партіи и «руководились», быть можетъ, различными классовыми, вѣрнѣе, частными интересами, то это различіе вылилось въ различное пониманіе націи, какъ осуществляющаго свой суверенитетъ единаго цѣлаго. Классовое сознаніе вылилось въ различнымъ образомъ окрашенное національное чувство: одно, какъ мы увидимъ, болѣе національное, другое—болѣе классовое. Конечно, только съ теоретической точки зрѣнія; съ точки зрѣнія практики, достигнутыхъ результатовъ это послѣднее было, быть можетъ, болѣе національнымъ. Имѣя въ виду однако теоретико-политическую сторону вопроса, мы и остановимся здѣсь подробно лишь на этомъ національномъ пониманіи народнаго суверенитета, которое, правда, какъ мы увидимъ это ниже, оказалось слишкомъ доктринерскимъ для того, чтобы послужить реальному дѣлу спасенія только что образовавшейся націи. Мы имѣемъ въ виду жирондистскую теорію національнаго суверенитета.

Правомѣрность нашей постановки вопроса можетъ быть оправдана также иного рода соображеніями. «Національное» XIX столѣтіе не случайно начинается революіей. Будучи въ значительной степени созданіемъ стараго порядка, нація все же родилась въ эпоху революціи.

Именно тогда, въ 1789 году, безправный порабощенный народъ старой абсолютной монархіи впервые (по крайней мѣрѣ, на континентѣ) сдѣлался сознающей себя суверенной націей. И тогда повсюду въ XIX столѣтіи національныя (не націоналистическія) движенія были связаны съ движеніями революціонными, направленными противъ стараго порядка. Поэтому и съ этой точки зрѣнія представляется интереснымъ уяснить себѣ тѣ взгляды, которыхъ придерживались руководящія партіи эпохи образованія современной націи и революціоннаго воспитанія ея. Никогда позднѣе не возбуждали они такой вѣры и такого энтузіазма, какой вызывали они тогда, никогда не выливались они въ такой чистой и строго изящной формѣ, въ какой формулировала ихъ эта счастливая въ непосредственности своей эпоха, пережившая рѣдкій по силѣ подъемъ національнаго чувства.

I.

Мы уже сказали выше, что нація, родившаяся средь бурь революціи, въ значительной мѣрѣ есть созданіе стараго порядка. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это утвержденіе? Старый порядокъ создалъ всѣ тѣ условія, которыя были необходимы для образованія націи, мало того, которыя необходимо вели къ этому. Все нивеллируя и централизуя, всевластная бюрократія стараго порядка уничтожила всѣ существенныя различія старыхъ феодальныхъ провинцій, создала тѣсное внутреннее единство всего населенія Франціи,—единство, глубоко идущее, простирающееся на самыя мелкія явленія частной жизни[1]). Но это внутреннее единство всего французскаго населенія—результатъ многовѣковаго постепеннаго развитія,

[1]) Ср. *Champion:* „L'unité nationale et la Révoluion", въ „Révolution française". T. XII, стр. 19—20. *Ардашевъ:* „Провинціальныя администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка". Т. I, стр. 97 и сл., 1900 г.

обусловленнаго глубокими факторами экономическаго и идейнаго порядка, — оставило нетронутыми старыя феодальныя различія. Они продолжали существовать, хотя роль ихъ, конечно, совершенно измѣнилась. То, что прежде, въ эпоху феодализма, было содержаніемъ соціальной жизни, что являло собой необходимое, само собой понятное и потому жизнеспособное *право*, выродилось теперь въ непонятную безполезную *привилегію*, отъ которой вѣяло разложеніемъ и смертью, которая мѣшала дальнѣйшему соціальному развитію Франціи.

Для «стараго порядка» и было особенно характернымъ, какъ это классически показалъ *Токвиль* [1]), что на-ряду съ внутреннимъ единствомъ и равенствомъ въ немъ попрежнему существовали формальныя, но все же рѣзкія сословныя и корпоративныя противорѣчія. Старый порядокъ означалъ господство права, выродившагося въ привилегію. Уничтоженіе сословій стало, такимъ образомъ, необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія общества. Внутреннее единство и равенство общества требовали своего внѣшняго признанія. И дѣйствительно, всѣ живые элементы французскаго общества, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые, ведя паразитное существованіе, были непосредственно заинтересованы въ сохраненіи старыхъ привилегій, жадно стремились къ новому праву, которое отвѣчало бы новымъ соціальнымъ условіямъ. Это стремленіе къ новому праву было до того сильно и единодушно, что въ немъ объединились всѣ многочисленныя національности и классы Франціи, какъ бы ни были глубоки ихъ этнографическія и экономическія различія. Прежній многоязычный пестрый и порабощенный *народъ* превратился въ единую и сознающую себя *націю*. Сами современники этого переворота ясно сознавали его смыслъ, такъ что даже

[1]) Старый порядокъ и революція.

формула, которой мы здѣсь воспользовались для его характеристики, была впервые высказана ими. Такъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій генеральныхъ штатовъ послѣ того какъ съ присоединеніемъ духовенства и дворянства къ третьему сословію они утратили свой сословный характеръ и возникъ вопросъ о переименованіи ихъ въ соотвѣтствующемъ совершившемуся факту духѣ, возгорѣлась извѣстная полемика между Мирабо, съ одной стороны, предлагавшимъ переименовать генеральные штаты въ «собраніе представителей *народа*» и Target и Touret, съ другой стороны, предлагавшими названіе „*національнаго* собранія". Изъ двухъ словъ (peuple и nation) побѣдило, какъ извѣстно, второе,—и эта побѣда несомнѣнно отражала настроеніе широкихъ круговъ французскаго общества [1]).

Такъ впервые возникло во Франціи *національное* сознаніе. Носителемъ этого національнаго сознанія было, однако, одно изъ старыхъ сословій. Это было третье сословіе, которое отнюдь не слѣдуетъ отождествлять съ буржуазіей. То, что Фихте и Лассаль называли «духомъ» соціальной жизни, покинуло оба привилегированныя сословія, всецѣло сконцентрировавшись въ третьемъ: третье сословіе было теперь подлиннымъ организаторомъ экономической жизни, оно же было вмѣстѣ съ тѣмъ носителемъ духовной культуры. *Фактически* оно было всѣмъ и *формально* оно было ничѣмъ согласно старому феодальному праву. Сознавая свою силу и глубокую соціальную справедливость своихъ требованій, оно стремилось теперь къ господству, а такъ какъ оно было самымъ низшимъ изъ всѣхъ сословій, то его господство означало упраздненіе всѣхъ сословій вообще. Такъ его сословное самосознаніе совпадало съ національнымъ. И опять-таки современники ясно сознавали національ-

[1]) Объ этой полемикѣ ср. *Stephens*: н. с., стр. 55 и сл. Также *F. J. Neumann;* „Volk und Nation", стр. 123, 1888 г.

ный характеръ требованій третьяго сословія. Указанное нами совпаденіе сословнаго и національнаго самосознанія является въ сущности темой извѣстнаго памфлета Сійеса. Если мы не ошибаемся, французская революціи впервые выдвинула эту интересную и игравшую впослѣдствіи столь большую роль проблему совпаденія частнаго самосознанія съ сознаніемъ цѣлаго. По иному поводу и въ иной формулировкѣ въ сущности ту же идею развивалъ Фихте, полагавшій, что національное сознаніе объединяющейся Германіи совпадаетъ съ космополитическимъ сознаніемъ всего культурнаго человѣчества. Эту же идею защищали Марксъ (подъ вліяніемъ изученія французской революціи) и Лассаль (въ значительной степени подъ вліяніемъ Фихте), указывая, что господство пролетаріата означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе классоваго господства вообще и что такимъ образомъ классовое сознаніе пролетаріата совпадетъ въ будущемъ съ національнымъ.

Это національное сознаніе высшаго своего напряженія достигло послѣ взятія Бастиліи—14 іюля 1789 года. Парижъ сообщилъ тогда всей Франціи «элекрическій толчокъ» (какъ тогда выражались), который во всей странѣ вызвалъ полное энтузіазма творческое движеніе. Это истинно-національное движеніе уничтожило во Франціи старыя привилегіи и въ видѣ самовольныхъ коммунальныхъ и сельскихъ выборовъ создало новое право, новыя политическія учрежденія.

Широкими волнами прокатившись по всей странѣ, оно вернулось затѣмъ обратно въ Парижъ, гдѣ національное собраніе въ знаменутю полную одушевленія ночь 4 августа дало свою санкцію совершившемуся факту. Мы напоминаемъ здѣсь всѣ эти общеизвѣстные факты лишь для того, чтобы показать, какъ могуче и сильно было самосознаніе этой только что родившейся націи и какой характеръ носило оно въ то время, когда

вырабатывались политическіе взгляды тѣхъ, пока лишь извѣстныхъ только на мѣстахъ, людей, которые позднѣе въ законодательномъ собраніи и конвентѣ образовали жирондистскую партію. Во всѣхъ ихъ родныхъ городахъ и мѣстечкахъ имъ была дана рѣдкая возможность наблюдать «общую волю», ту «volonté générale», о которой говорилъ теоретикъ революціи Руссо и которая является необходимымъ условіемъ истинной демократіи, т.-е. господства всего народа, а не какой-либо одной его части, хотя бы самой значительной и сильной. Ибо только въ рѣдкіе моменты господства національнаго самосознанія осуществляется вообще истинная демократія. Какъ всѣ правовыя понятія, и понятіе демократіи чисто формально и носитъ атомизирующій характеръ. Оно имѣетъ въ виду не дѣйствительное индивидуальное общество, расчлененное на классы и состоящее изъ индивидуальныхъ группъ и лицъ, но однородный аггрегатъ не отличающихся другъ отъ друга, разныхъ между собою атомовъ—гражданъ. Поэтому оно (какъ и вообще всѣ формальныя понятія) является лишь идеальнымъ понятіемъ нормативнаго характера, выражающимъ требованіе, а не фактъ, и осуществляющимся (cum grano salis, конечно) лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Такой подъемъ, такое единство національной воли были налицо въ разсматриваемую нами эпоху. Конечно, не всѣ французы были охвачены этимъ національнымъ чувствомъ. Многіе не только чуждались его, но даже относились къ нему враждебно. Но все это были, употребляя выраженія современниковъ,—«контръ-революціонеры», «аристократы», «антипатріоты». Даже болѣе чѣмъ «антипатріоты». Они не были даже «французами». Покинувъ подлинную «внутреннюю Франціи», они составили «внѣшнюю Францію» [1]) и вмѣстѣ съ тради-

[1]) Такъ называли эмигрантовъ.

ціонными врагами этой «внутренней Франціи»—съ императоромъ и нѣмецкими государями—шли на нее войной. Эта внѣшняя опасность, грозившая независимости молодой націи, усилила и, такъ сказать, упростила тотъ подъемъ національнаго самосознанія, который въ эпохи великихъ революцій сопровождаетъ правовое и политическое творчество объединеннаго народа. Народная война укрѣпила то, что сдѣлала народная революція: она вдохнула новую жизнь, влила новыя силы въ молодую націю.

Въ то время, когда жирондисты дѣлали только свои первые политическіе шаги, это единство національной воли было еще достаточно сильно, хотя уже не было недостатка въ зловѣщихъ признакахъ будущихъ междоусобій. Уже до 10 августа, сейчасъ же послѣ вспышки національнаго чувства, связаннаго съ объявленіемъ войны и съ бѣгствомъ короля, разразилось первое кровавое столкновеніе на Марсовомъ полѣ. Кровавая авиньонская рѣзня была также предвѣстникомъ будущихъ столкновеній между національностями, которыя, казалось, совершенно растворились въ единой французской націи. 10-е августа, которое, упразднивъ монархію, тѣмъ самымъ уничтожало послѣднее препятствіе, мѣшавшее еще свободному развитію революціонныхъ силъ, снова вызвало сильный подъемъ національнаго самосознанія. Съ этого дня, однако, начинается распаденіе націи, хотя никакое еще опредѣленное классовое сознаніе не замѣняетъ національнаго. Тѣ соціальныя противорѣчія, которыя разрушающимъ образомъ дѣйствовали на первоначальное единство націи, это—несознанныя противорѣчія: потому они и носятъ неясный и страстный характеръ. Но мало того. Противъ этого частнаго классового сознанія существуетъ извѣстное предубѣжденіе. Какъ таковое, оно совсѣмъ не признается, оно старается поэтому принять національный характеръ. И такимъ

образомъ это неопредѣленное частичное соціальное самосознаніе преобразовывается въ особое пониманіе націи.

Современныя партіи, которыя даютъ этому классовому сознанію законный и мирный выходъ, являясь нынѣ необходимымъ условіемъ всякой сколько-нибудь развитой политической жизни, были тогда не только неизвѣстны, но считались даже запрещеннымъ плодомъ. Даже слово «партія» (faction) было равнозначно слову «мятежная клика». Участіе въ партіи, а тѣмъ болѣе организація партіи считались нарушеніемъ патріотизма, преступленіемъ противъ единства націи. Въ представленіяхъ эпохи—и послѣ всего вышесказаннаго нетрудно понять, почему—понятіе партіи противорѣчило идеѣ національнаго единства, идеѣ единаго національнаго представительства. *Представитель націи*—въ противоположность связанному мандатомъ *уполномоченному* старыхъ *сословій*—долженъ быть совершенно свободенъ, независимъ ни отъ какой посторонней организаціи. Практика современной парламентской жизни вполнѣ примирила такой взглядъ на народнаго представителя съ моральной зависимостью его отъ избирателей и съ подчасъ весьма сильной зависимостью его отъ посторонней партійной организаціи. Тогда, на зарѣ парламентской жизни, въ эпоху господства отвлеченныхъ формулъ, неиспорченныхъ прикосновеніемъ дѣйствительности, думали иначе. То, что было разъ въ дѣйствительности, что, какъ мы видѣли, однажды вполнѣ соотвѣтствовало фактическимъ отношеніямъ, — именно идея дѣйствительно единой «общей воли»—продолжало жить въ представленіяхъ эпохи, налагая печать свою на ея идеалы и практическія требованія. А между тѣмъ, мѣсто прежняго единаго національнаго самосознанія заняла инстинктивная борьба соціальныхъ противорѣчій. Пусть этому «постулату единодушія», пользуясь выраженіемъ Сореля [1]), и нельзя при-

[1]) *Sorel*: „Europe et la Revolution française". T. III, стр. 71

писывать той роли, какую онъ, по мнѣнію послѣдняго, сыгралъ во всемъ развитіи и исходѣ Великой Революціи. Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію то рѣшающее вліяніе, какое онъ оказалъ на политическія воззрѣнія и на партійную жизнь разсматриваемой нами эпохи. И особенно сильно повліяла идея эта на то неопредѣленное, въ политическомъ отношеніи мало оформленное цѣлое, которое мы въ силу установившейся традиціи привыкли называть «жирондистской *партіей*».

II.

Прежде всего, послѣ того, что было сказано нами, можемъ ли мы серьезно говоритъ о *партіи* жирондистовъ? Политической партіей въ нашемъ смыслѣ, съ опредѣленной политической программой, объединяющей около себя широкіе слои избирателей, съ внутренней организаціей, подразумѣвающей извѣстную партійную дисциплину, подчиненіе членовъ партіи ея руководящимъ органамъ, — такой политической партіей Жиронда, конечно, не была, да и не могла быть, какъ это вполнѣ понятно изъ сказаннаго нами выше. Въ какомъ же смыслѣ, однако, слѣдуетъ понимать тѣ постоянныя обвиненія въ организаціи и участіи въ партіи, на которыя такъ щедры были монтаньяры въ своихъ памфлетахъ, клубахъ и съ трибуны конвента? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ освѣтимъ одну изъ самыхъ важныхъ сторонъ политическихъ взглядовъ жирондистовъ.

Какъ извѣстно, обвиненіе въ участіи въ партіи было однимъ изъ главныхъ обвиненій жирондистовъ передъ судомъ революціоннаго трибунала послѣ 2 іюня 1793 года. Обвиняемые, однако, съ негодованіемъ отвергали подобное обвиненіе. Такъ, *Верньо* въ проектѣ защиты, который ему такъ и не удалось использовать, говоритъ, что «обвиняемыхъ связывало чувство взаимнаго уваже-

нія, но никогда не объединяли ихъ общія мнѣнія» («relation d'estime, jamais coalition d'opinions»[1]). *Бриссо* восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ: «Нѣтъ, вы не знаете тѣхъ, на кого клевещете, вы, обвиняющіе депутатовъ Жиронды въ томъ, что они принадлежатъ къ особой фракціи. У *Гюадэ* слишкомъ гордая душа для этого; у *Верньо* слишкомъ развита безпечность, сопровождающая талантъ и заставляющая его итти своимъ путемъ; у *Дюко* слишкомъ много ума и честности; *Жансоннэ* мыслитъ слишкомъ глубоко, чтобы когда-нибудь унизиться до того, чтобы сражаться подъ знаменемъ какого-нибудь вождя[2]). И подобные взгляды высказывались не только въ пылу борьбы, когда во что бы то ни стало надо было обвинить противника и защитить себя. Всегда спокойный теоретикъ жирондистовъ *Кондорсе*[3]) тоже отвергаетъ всякую мысль о политической партіи. Въ своемъ докладѣ къ жирондистскому проекту кон-

---

[1]) *Vatel*: „Recherches historiques sur les Girondins". Vergniaud etc., стр. 262.

[2]) Цит. у *Олара*, Исторія, стр. 473.

[3]) Такъ называетъ его *Оларъ* въ своей книгѣ „Les Orateurs etc", т. I, хотя въ своей исторіи онъ говоритъ: „Трудно указать моментъ, когда *Кондорсе* отдѣлился отъ Горы и перешелъ въ лагерь жирондистовъ. Весьма вѣроятно, что къ этому его побудило намѣреніе монтаньяровъ отложить дебаты относительно его проекта конституціи (II книга, VII глава, § 3). Подобныя же воззрѣнія защищаютъ, и притомъ пожалуй даже въ еще болѣе рѣзкой формѣ, *Alengry*, н. с., и ученикъ Олара *Cahen*, н. с. На основаніи соображеній, излагать которыя здѣсь не мѣсто, мы полагаемъ, что *Кондорсе*, если вообще можно говорить о теоретическихъ, политическихъ *взглядахъ жирондистовъ* (объ этомъ см. выше, стр. 33), принадлежалъ по взглядамъ своимъ къ жирондистамъ. Онъ относился отрицательно къ страстной непримиримой политикѣ „роландистовъ", но точно также монтаньяръ *Дантонъ* не раздѣлялъ непримиримой политики *Робеспьера* и *Марата*. Оба эти дѣятеля: жирондистъ *Кондорсе* и монтаньяръ *Дантонъ*, въ равной мѣрѣ стремились къ примиренію обѣихъ враждующихъ партій. Въ этомъ пунктѣ обѣ партіи (имѣя въ виду ихъ политику) тѣсно соприкасались другъ съ другомъ.

ституціи онъ говоритъ, что «насущнѣйшая потребность французской республики— это не знать никакихъ партій». Далѣе онъ говоритъ, что «если возможно избѣжать политическихъ партій (что желательно и необходимо), то нельзя помѣшать образованію и существованію *partis d'opinions*» [1]). «*Partis d'opinions*»—партіи мнѣній—въ противоположность политической партіи—вотъ что признавалось тогда единственно допустимымъ, что признавали и сами жирондисты. «Партія жирондистовъ и представляла собою политическое теченіе съ болѣе или менѣе общими тенденціями и симпатіями, спаянное къ тому же еще личной дружбой и извѣстнаго рода товарищеской солидарностью. Жирондистамъ никогда не приходило въ голову серьезно сорганизовать вокругъ себя народныя массы. Они были скорѣе парламентской группой, нежели народной партіей, законодательное собраніе и конвентъ были главной ареной ихъ дѣятельности. Правда, было время, когда они пользовались большимъ вліяніемъ въ клубѣ якобинцевъ и въ парижской коммунѣ. Но имъ никогда не удавалось сдѣлать это вліяніе исключительнымъ, имъ никогда не удавалось создать изъ этихъ организацій свою собственную внѣ-парламентскую партійную организацію, какъ это въ извѣстной степени удалось сдѣлать монтаньярамъ. Чтобы образовать такой партійный центръ монтаньярамъ нужно было выступить на революціонный путь. Монтаньярская коммуна была «революціонной коммуной», центральнымъ органомъ ихъ былъ «инсуррекціонный комитетъ». «Перманентная революція» служила оправданіемъ ихъ партійной организаціи, которая въ сущности была заговоромъ въ пользу революціи. Жирондисты же, «считая революцію законченной, съ тѣхъ поръ какъ во Франціи установилась республика» [2]),

---

[1]) *Lallement*, стр. 272—273.

[2]) *Верньо*, 10 апрѣля 93 г.

не могли, конечно, выступать, на «революціонный путь» образованія партіи, тѣмъ болѣе, что и до 10 августа они всегда стремились оставаться на почвѣ закона. Лояльность жирондистовъ, которая не покидала ихъ даже 10 августа [1]), въ послѣднія минуты существованія королевской власти, была такимъ образомъ причиной того, что жирондисты не представляли собою партіи въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Именно потому, что они признавали лишь парламентскую борьбу, были парламентской партіей *по характеру своей дѣятельности*, они оставались и парламентской партіей по кругу своего вліянія, *по аренѣ своей дѣятельности*,—однимъ словомъ,—*парламентской группой*, не больше. Впрочемъ, и въ ихъ исторіи былъ моментъ, когда они пытались организовать широкое народное движеніе, когда они выступили на своего рода революціонный путь. Но это было послѣ 2 іюня, послѣ того, какъ ихъ вытѣснили изъ конвента и закрыли имъ всѣ чисто парламентскіе пути [2]). Это случилось въ моментъ смерти Жиронды, при жизни Жиронда никогда не пыталась стать партіей, *она всегда оставалась парламентской группой.*

Если не принимать, конечно, во вниманіе, дѣятельности жирондистовъ въ качествѣ министровъ, а имѣть въ виду лишь самостоятельную внѣпарламентскую дѣятельность, которая насъ единственно здѣсь и можетъ инте-

---

[1]) Объ отношеніи Верньо и жирондистовъ къ королю во время 10 августа много говорилось. Между прочимъ см. знаменитую обвинительную рѣчь Робеспьера и отвѣтъ на нее Верньо (10 апр. 1793 г.). *Buchez et Roux*, т. XXV, стр. 337—360 и 362—382.

[2]) Къ тому же наиболѣе характерные для жирондистовъ люди, какъ *Бриссо*, *Верньо*, *Кондорсе*, даже въ этотъ моментъ не нашли возможнымъ сойти съ легальнаго пути. При этомъ представляется весьма сомнительнымъ, можно ли называть это „федералистское“ движеніе жирондисткимъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ прежнихъ жирондистовъ дѣйствительно руководили имъ. Оно носило рѣзко выраженный роялистскій характеръ. Ср. *L. Blanc*, Livre IX, chap. XII.

ресовать, то мы должны прійти къ тому заключенію что никакой такой внѣ-парламентской дѣятельности жирондисты не развивали. Они были парламентаріями и «государственными людьми». Одни только революціонеры могутъ стремиться къ образованію партіи, а тѣ, «кто (при республикѣ) говорятъ о возстаніи, хотятъ погубить національное представительство»[1]). Изъ этого страха передъ революціей жирондисты отвергали всякаго рода самостоятельную, неурегулированную и непредусмотрѣнную законами самодѣятельность народа. Это отразилось въ рѣчахъ ихъ и особенно сильно въ ихъ проектѣ конституціи, который именно въ этомъ пунктѣ рѣзко отличается отъ монтаньярской конституціи 93 года. Статья 31 титула VIII ограничиваетъ право петицій „личнымъ и частнымъ интересомъ“ петиціонеровъ, а также дозволяетъ осуществленіе этого права лишь въ „послѣдовательномъ порядкѣ, предусмотрѣнномъ конституціей между различными установленными властями“ (стр. 32). Между тѣмъ монтаньярская конституція не знаетъ этихъ ограниченій права петицій. Статья 26-я ея Декларацiи правъ говоритъ о „правѣ каждой части автономнаго народа вполнѣ свободно выражать свою волю“ (вообще). Въ томъ же направленіи толкуютъ жирондисты и „право сопротивленія угнетенію“. Это право — одно изъ законнѣйшихъ правъ человѣка согласно жирондистскому проекту Декларацiи. Но оно должно быть введено въ законное русло. „Въ свободномъ правленіи способъ сопротивленія угнетенію долженъ быть регламентированъ конституціей“[2]). „Всѣ частичные самопроизвольные протесты, добровольныя и частныя соединенія, не основанныя на законѣ“, опасны для страны, они угрожаютъ суверенитету націи[3]). Общая воля націи подвергается опас-

[1]) *Верньо*, 10 апр. 93. Stephens, I, стр. 378.

[2]) Ст. 31 проекта Декларацiи.

[3]) *Lallement*, 12, стр. 238.

ности быть вытѣсненной частичной волей отдѣльной партіи.

Все искусство управленія состоитъ въ томъ, чтобы „частичнымъ волненіямъ отдѣльныхъ слоевъ народа безпрестанно противопоставлять довѣріе всей массы этого самаго народа и общее мнѣніе—мнѣніе отдѣльныхъ партій и мятежныхъ кликъ“ [1]). Поэтому надо сдѣлать все возможное, чтобы устранить необходимость такихъ протестовъ, такихъ возмущеній. А для этого необходимо наиболѣе точное выраженіе „общей воли“ націи, уничтоженіе всякаго политическаго неравенства, возможность каждому вліять на законодательство страны.

Какъ же хотятъ жирондисты организовать выраженіе этой суверенной общей воли всей націи, какъ они представляютъ себѣ осуществленіе этой воли? Лишь отвѣтивъ на этотъ вопросъ, сможемъ мы понять, какимъ образомъ жирондисты думали искоренить партійный духъ, всякую мысль о партіи и съ помощью какихъ средствъ надѣялись они противопоставить этому *партійному* духу единую подлинную волю *націи*. А этотъ вопросъ приводитъ насъ къ основному центральному понятію жирондисткаго политическаго міровоззрѣнія—къ понятію національнаго суверенитета.

III.

Суверенитетъ, говоритъ *Верньо* въ одной изъ своихъ рѣчей [2]), есть „власть издавать законы, обязательныя распоряженія,—однимъ словомъ, всѣ акты, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе общественнаго организма. Народъ осуществляетъ эту власть или самъ или черезъ представителей: въ послѣднемъ случаѣ рѣшенія народныхъ представителей исполняются какъ законы, но почему? По-

[1]) *Condorcet:* „De la nature des pouvoirs politiques dans une nation libre“, Oeuvres, X, 610—612. Цит. у *Alengry*, стр. 44—412.

[2]) *Верньо*, 31 дек., 92 г., *Stephens*, I, стр. 327—8.

тому что предполагается, что они суть выраженіе общей воли. Только изъ этого одного предположенія проистекаетъ ихъ сила, изъ этой одной презумпціи вытекаютъ тѣ существенные признаки ихъ, которые заставляютъ уважать ихъ. Отсюда слѣдуетъ, что народъ сохраняетъ за собой, въ качествѣ неотдѣлимаго отъ его суверенитета права, право признавать или отвергать законы; откуда слѣдуетъ, что если предполагаемая воля (la volonté presumée) расходится съ общей волей (volonté générale), то народъ сохраняетъ за собой, въ качествѣ неотдѣлимаго отъ его суверенитета права, право объявленія своего желанія, и въ тотъ моментъ, когда объявленіе это совершилось, должна исчезнуть предполагаемая воля (volonté presumée), т.-е. рѣшеніе представителей націи".

Въ однихъ только первичныхъ собраніихъ[1]), въ такъ наз. assemblées primaires, покоится національный суверенитетъ. Никакіе адресы, никакія петиціи, даже если они исходятъ отъ крупныхъ союзовъ или отъ отдѣльныхъ органовъ управленія, не могутъ выражать національной воли: „національную волю могутъ выражать одни только первичныя собранія" [2]). Жирондистскій проектъ конституціи придаетъ этимъ принципамъ точную и законченную формулировку. „Суверенитетъ единъ, недѣлимъ, неотъемлемъ и неотчуждаемъ", гласитъ статья 26 Декларацiи правъ. „По самому существу своему суверенитетъ покоится во *всемъ* народѣ, и каждый гражданинъ имѣетъ право участвовать въ его осуществленіи" [3]).

[1]) Первичныя собранія (assamblées primaires) въ противоположность собраніямъ выборщиковъ (assemblées électoraux)—собранія *всѣхъ* активныхъ гражданъ (отъ 200 до 600 чел. въ каждомъ), созываемыя съ цѣлью участія ихъ въ осуществленіи политической власти.

[2]) *Lasource*, 16 апр. 1793 г. *Bucheź e Roúx*, XXVI, стр. 30.

[3]) Соотвѣтствующая статья Декларацiи 89 года (ст. 3) гласила просто: „основа всякаго суверенитета по самому существу своему покоится въ народѣ".

(ст. 27). Проектъ отвергаетъ всякое раздѣленіе гражданъ въ отношеніи политическихъ правъ.

„Мы считали", говорится въ докладѣ, „что невозможно у націи, сознающей свои права, предлагать половинѣ гражданъ отказаться отъ части своихъ правъ; мы полагали, что также и въ интересахъ общественнаго спокойствія было бы неблагоразумно раздѣлять народъ, одинаково заинтересованный въ политической жизни, на двѣ части, изъ которыхъ одна была бы всѣмъ, другая—ничѣмъ,—въ силу закона, но въ противность природѣ, которая, сотворивъ всѣхъ людьми, желала, чтобы они всѣ остались равными" [1]).

Соотвѣтственно этому проектъ устанавливаетъ всеобщее и равное право голосованія въ первичныхъ собраніяхъ, при чемъ возрастной цензъ совпадаетъ съ гражданскимъ совершеннолѣтіемъ [2]). Подъ этимъ правомъ голосованія слѣдуетъ разумѣть, кромѣ права избранія народныхъ представителей и всякаго рода властей, не исключая и министровъ, также и право участія въ утвержденіи законовъ, выработанныхъ законодательнымъ корпусомъ. Ибо законодательный корпусъ можетъ издавать лишь *декреты*, т.-е. такія законодательныя мѣры, которыя имѣютъ лишь мѣстное или частное примѣненіе или отличительнымъ признакомъ которыхъ является необходимость возобновленія ихъ по истеченіи извѣстнаго срока [3]). Такіе декреты имѣютъ силу лишь въ предѣлахъ *законовъ*, отличительнымъ признакомъ которыхъ является ихъ общность и неопредѣленная длительность (durée indéfinie). Законы также издаются законодательнымъ корпусомъ. Но въ теченіе извѣстнаго срока опредѣленной группѣ гражданъ предоставляется право требовать

[1]) *Lallement*, 12, стр. 262.

[2]) Раздѣлъ II, ст. 1, 3 проекта.

[3]) Titre VII, Section II, Art. 4 проекта. Срв. также рѣчь *Жансоннэ* 2 янв. 1793: *Stephens*, I, стр. 405.

въ установленномъ порядкѣ передачи выработанныхъ законодательнымъ корпусомъ законовъ на утвержденіе ихъ первичными собраніями. Такъ впервые устанавливаетъ жирондисткій проектъ конституціи подъ именемъ „народной цензуры“ то, что мы теперь называемъ факультативнымъ референдумомъ[1]). Въ эту „народную цензуру“, кромѣ референдума, входитъ также и право законодательной иниціативы.

Если по почину группы гражданъ въ 50 человѣкъ большинство первичныхъ собраній въ одномъ департаментѣ выскажутся за необходимость новаго или измѣненія стараго закона, то законодательный корпусъ обязанъ разсмотрѣть предлагаемую законодательную мѣру. Если особымъ декретомъ онъ отвергнетъ необходимость этой мѣры, и тѣмъ не менѣе первичныя собранія другого департамента повторятъ то же требованіе, то законодательный корпусъ обязанъ немедленно созвать по поводу своего декрета всѣ первичныя собранія республики. Если большинство ихъ выскажется противъ декрета законодательнаго корпуса и, слѣдовательно, въ пользу требованія обоихъ департаментовъ, то законодательный корпусъ, тѣмъ самымъ лишившись довѣрія страны, распускается до срока и замѣняется новымъ. При этомъ депутаты, голосовавшіе за декретъ, лишаются въ теченіе ближайшей легислатуры права избранія въ законодательный корпусъ[2]). Такимъ образомъ, въ конфликтахъ между собраннымъ въ первичныя собранія суверенным народомъ и представляющимъ его законодательнымъ корпусомъ первенствуетъ безусловно первый. Это своего рода парламентаризмъ, примѣненный къ за-

[1]) Для конституціоннаго законодательства или для законовъ, явно противорѣчащихъ конституціи, устанавливается обязательный референдумъ. Для конституціоннаго законодательства созывается національный конвентъ. Ст. 27 (Titre VIII) и Titre IX.

[2]) Titre VIII проекта (въ частн. стр. 22—24).

конодательной власти: законодательный корпусъ есть какъ бы министерство, облеченное довѣріемъ парламента первичныхъ собраній. Малѣйшій конфликтъ, одно только несогласіе народнаго представительства съ созваннымъ въ первичныя собранія народомъ по какому-нибудь вопросу законодательнаго свойства, считается косвеннымъ вотумомъ недовѣрія, влекущимъ за собою отставку парламента.

Но всѣ усилія авторовъ проекта направлены къ тому, чтобы свести до минимума возможность такихъ конфликтовъ. Законодательный корпусъ долженъ возможно точнѣе выражать волю народа. Онъ поэтому состоитъ изъ одной палаты, съ годичной легислатурой. Выборы производятся путемъ прямого тайнаго голосованія[1]).

Такимъ образомъ выражается, согласно жирондистскому проекту, національная воля. Лишь совокупность всего народа, собраннаго въ первичныхъ собраніяхъ, обладаетъ правомъ выраженія этой воли. Законодательный корпусъ лишь осуществляетъ національную волю. Воли нельзя делегировать. „La volonté ne se délègue pas“, говоритъ Жансоннэ въ одной изъ своихъ рѣчей. Своимъ представителямъ народъ делегируетъ лишь осуществленіе суверенитета; въ противномъ случаѣ онъ бы его отчуждалъ[2]).

Если право выраженія національнаго суверенитета всецѣло принадлежитъ первичнымъ собраніямъ, и національное представительство обладаетъ лишь правомъ его осуществленія, то какія права и функціи присвоены исполнительной власти въ собственномъ смыслѣ этого слова, кабинету министровъ, или, какъ называетъ его отчетъ къ проекту, исполнительному совѣту (Le Conseil Exécutif)? Исполнительный совѣтъ является лишь про-

[1]) За неимѣніемъ мѣста мы не входимъ въ разсмотрѣніе всей системы выборовъ, такъ называемой системы кандидатуръ.

[2]) 2 янв. 1793 г. *Stephens*, I, стр. 404.

стымъ органомъ, «рукой и глазомъ» законодательнаго корпуса [1]). Этому послѣднему принадлежитъ право контроля надъ всѣми мѣропріятіями министровъ и другихъ властей. Имѣя въ виду сказанное нами выше, слѣдовало бы ожидать, что въ вопросѣ объ отношеніи обѣихъ властей проектъ будетъ проводить принципы парламентаризма. На самомъ же дѣлѣ, однако, жирондистская конституція весьма далека отъ этого. Дѣло въ томъ, что парламентаризмъ предполагаетъ наличность сильнаго и тѣсно сплоченнаго большинства въ парламентѣ. Лишь въ случаѣ существованія такого большинства кабинетъ можетъ пользоваться въ теченіе болѣе или менѣе долгаго срока необходимымъ для него довѣріемъ парламента. Но такое сильное, тѣсно сплоченное большинство возможно лишь на основѣ партійной организаціи. Поэтому надолго упрочиться парламентаризмъ можетъ лишь въ государствахъ съ сильно развитой партійной жизнью. Между тѣмъ (см. выше) жирондисты самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергали всякую мысль о партіи. Поэтому проектъ ихъ ставитъ исполнительный совѣтъ въ положеніе, независимое по отношенію къ законодательному корпусу. Онъ такъ же, какъ и законодательный корпусъ, избирается непосредственно первичными собраніями [2]) и не можетъ быть смѣненъ законодательнымъ корпусомъ. Онъ лишь можетъ быть имъ временно отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду національнаго жюри, которое и рѣшаетъ вопросъ о конфликтѣ между исполнительной и законодательной властью, входя при этомъ въ разсмотрѣніе вопроса не только о законномѣрности, но и о цѣлесообразности дѣйствій министровъ. Единство обѣихъ властей, на которомъ основывается парламентаризмъ, не обязательно. Жюри можетъ рѣшить вопросъ въ пользу министровъ, и въ такомъ случаѣ конфликтъ

[1]) *Lallement*, стр. 242.

[2]) Titre V, Sèction II, стр. I.

остается попрежнему неустраненнымъ. Идея отвѣтственнаго министерства признана. Но еще очень далеко до мысли о парламентскомъ министерствѣ, пользующемся довѣріемъ большинства законодательнаго корпуса.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что теорія равновѣсія властей все еще пользуется вліяніемъ; изъ опасенія передъ партійной жизнью она инстинктивно признается, несмотря на то, что проектъ энергично отвергаетъ эту теорію «аристократа Монтескье» [1]).

До сихъ поръ мы имѣли въ виду націю, какъ единое цѣлое. Мы установили понятіе *единаго*, такъ сказать, сконцентрированнаго національнаго суверенитета, какъ его понимали жирондисты. Но какъ распредѣляется государственная власть въ странѣ? Дѣйствительно ли были жирондисты федералистами, какъ это утверждали ихъ противники? Федералистами въ политическомъ смыслѣ этого слова ихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя называть. Изъ новѣйшихъ историковъ особенно подробно останавливается на этомъ вопросѣ Оларъ. Онъ рѣшительно отрицаетъ федерализмъ жирондистовъ. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говоритъ онъ, — что жирондисты по всякому поводу старались подчеркнуть приверженность свою единой республикѣ» [2]). Въ своемъ докладѣ къ проекту Кондорсе рѣшительно отвергаетъ всякую мысль о федерализмѣ.

Двѣ предѣльныя формы конституціи представлялись, согласно докладу, авторамъ проекта: «абсолютное единство или простая федерація». Между этими предѣльными формами возможенъ цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ. Но ни одна изъ нихъ не подходитъ для Франціи. Всѣ условія: распредѣленіе территоріи, внѣшняя безопасность государства, «необходимость тѣснаго единенія для свободнаго, но одиноко исповѣдующаго прин-

[1]) *Lallement*, стр. 242 и сл.

[2]) Часть II, глава VII, § 2.

ципы свободы народа»,—все это заставило авторовъ проекта «отклонить все то, что могло бы въ самой даже незначительной степени посягнуть на политическое единство». Федерализмъ означаетъ даже собственно «новую революцію». Франція уже «привыкла быть управляемой единой властью». Измѣнять старое положеніе вещей—значитъ потрясать всю страну, увеличивать анархію въ ней, что особенно безумно въ виду кризиса, переживаемаго націей [1]). Единство государства есть достояніе стараго порядка, фактически уничтожившаго самостоятельность феодальныхъ провинцій. Формальное признаніе это единство получило, однако, какъ разъ послѣ смерти стараго порядка — взамѣнъ стараго историческаго дѣленія на провинціи новымъ, основаннымъ на чисто административныхъ соображеніяхъ дѣленіемъ на департаменты. Это единство государства было, какъ мы видимъ, предметомъ особенной заботы авторовъ проекта. Такъ, напримѣръ, докладъ отвергаетъ систему двойныхъ выборовъ лишь изъ желанія избѣжать постоянныхъ коллегій выборщиковъ («corps électoraux»). Въ этомъ случаѣ «каждый департаментъ обладалъ бы своего рода особымъ представительнымъ учрежденіемъ». А это «постоянно угрожало бы недѣлимости республики и давало бы опасную силу всякой партіи, которая пожелала бы превратить Францію въ союзъ федеративныхъ республикъ» [2]). Вообще какъ проектъ конституціи, такъ и докладъ настойчиво говорятъ объ «единой и нераздѣльной республикѣ».

Жирондисты дѣйствительно никогда не допускали возможности перенесенія національнаго суверенитета со всей націи на какую-нибудь часть ея. Въ этого рода стремленіи скорѣе можно обвинять монтаньяровъ. Ибо монтаньяры сплошь и рядомъ не только допускали, но

[1]) *Lallement*, стр. 230—231.

[2]) Ibid, стр. 268.

даже прямо требовали предоставленія парижскому департаменту исключительнаго права осуществленія суверенитета. Такъ, напримѣръ, въ одной резолюціи клуба кордельеровъ мы читаемъ: «Парижскому департаменту, составной части суверенпаго цѣлаго, симъ предлагается воспользоваться правомъ суверенитета. Избиратели Парижа уполномочены *избрать замѣстителей на мѣста членовъ конвента, измѣнившихъ дѣлу народа*» [1]). Если, такимъ образомъ, монтаньяры и стояли за перенесеніе государственной власти со всей націи на одну только часть ея, то все-таки ихъ нельзя обвинять въ федерализмѣ, какъ то нѣкоторые жирондисты дѣйствительно дѣлали [2]). Парижъ былъ главнымъ центральнымъ нервомъ всей націи, и диктатура его, которой домогались монтаньяры, означала не расщепленіе, но концентрацію верховной власти, была выраженіемъ не федералистическихъ, но централистскихъ стремленій. Въ противоположность этому жирондисты энергично боролись противъ „парижской тираніи“, какъ они выражались. По словамъ Ласурса, они «не хотѣли, чтобы Парижъ сталъ для Франціи тѣмъ, чѣмъ Римъ былъ для римскаго государства. Вліяніе Парижа должно быть сведено къ $^1/_{83}$ [3]) вліянія во Франціи, какъ и всякаго другого департамента» [4]). Оларъ видитъ въ этой *департаментской* политикѣ самую существенную черту жирондистовъ, единственно отличающую ихъ отъ монтаньяровъ, проводившихъ *парижскую* политику. Не касаясь вопроса о первоначальныхъ причинахъ партійныхъ различій [5]), опредѣлившихъ характеръ обѣихъ партій, мы,

[1]) См. рѣчь *Верньо* 13 марта 93 г. *Stephens*, I, стр. 355 и сл.

[2]) Напр., *Ласурсъ* 16 апр. 93 г. *Buchez et Roux*, XXVI, стр. 30 и сл.

[3]) Франція въ это время раздѣлялась на 83 департамента.

[4]) 25 сент. 1792 г. *Buchez et Roux*, XIX, стр. 77.

[5]) Опять повторяемъ, что мы здѣсь совершенно оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что является исторически первичнымъ: представляютъ ли изъ себя всѣ эти теоретическія воззрѣнія лишь „ширму“

основываясь на предыдущемъ, можемъ сказать, что во всякомъ случаѣ эта «департаментская» политика нашла себѣ широкое оправданіе, вошла органической *частью* въ цѣльную политическую программу, основанную на опредѣленномъ пониманіи націи и ея суверенитета. Въ жирондистскомъ проектѣ конституціи стремленіе къ равномѣрности политическаго вліянія въ странѣ играетъ весьма видную роль. Ему слѣдуетъ приписать извѣстную «систему большихъ коммунъ», которая представляетъ изъ себя первую попытку установить на континентѣ принципы широкаго демократическаго самоуправленія [1]). На системѣ большихъ коммунъ авторы проекта остановились только потому, что иначе «однѣ лишь коммуны большихъ городовъ могли бы сохранить политическое вліяніе, неминуемымъ послѣдствіемъ чего было бы угнетеніе деревни и, вскорѣ, новая революція [2]).

Дѣленіе на департаменты авторы жирондистскаго проекта сохраняютъ. Но ими совершенно уничтожаются старые округа. Департаментъ раздѣляется непосредственно на большія коммуны, образованныя такъ, «чтобы не могло быть болѣе двухъ съ половиною льё разстоянія отъ самаго отдаленнаго селенія до административнаго центра коммуны». Каждая коммуна раздѣлялась на секціи

для прикрытія и оправданія ихъ борьбы противъ Парижа (какъ думаютъ новѣйшіе историки, наприм., Жоресъ), или, наоборотъ, именно эти воззрѣнія вызвали и самую борьбу (какъ то полагали старые историки, напр., Луи Бланъ). Или, быть можетъ, правильно, наконецъ, такое построеніе: какъ эти теоретическія воззрѣнія, такъ и борьба противъ Парижа, входя органической частью во всю политическую систему ихъ, могли быть обусловлены какими-нибудь соціальными факторами. Мы здѣсь, однако, совершенно отвлекаемся отъ всѣхъ этихъ вопросовъ, имѣя въ виду политическую *систему* жирондистовъ въ ея цѣломъ и законченномъ видѣ.

[1]) Ср. *Meinecke*: «Das Zeitalter der deutschen Erhebung», 1795—1815. 1906, стр. 82 о муниципальномъ управленіи 1789 г.

[2]) *Lallement*, стр. 256.

и первичныя собранія. Администрація должна была быть выборной, подобно администраціи департамента, которой она подчинялась. Отношеніе ея къ центральному правительству крайне независимо. Какъ администрація департамента, такъ и низшая администрація независимы по отношенію къ исполнительному совѣту во всемъ, что касается «мѣстныхъ и частныхъ интересовъ» части гражданъ, ихъ выбравшихъ. Но „что касается выполненія законовъ и общей администраціи, администраторы должны быть разсматриваемы какъ делегаты національраго правительства» (gouvernement national). «Въ этомъ отношеніи они по существу своему подчинены приказамъ и наблюденію исполнительнаго совѣта [1]).

На такихъ смѣло демократическихъ началахъ строитъ жирондистскій проектъ мѣстное самоуправленіе, создавая одновременно условія, необходимыя для равномѣрнаго распредѣленія въ странѣ политическаго вліянія. Въ основѣ его лежитъ въ сущности все та же типично жирондистская мысль о недопустимости замѣны «общей воли» націи «частичной волей» какой-нибудь партіи или отдѣльной части населенія. Не федерализмъ, но широкое единство націи, которой единственно только и принадлежитъ суверенитетъ и каждая часть которой пользуется одинаковымъ политическимъ вліяніемъ, — вотъ что является руководящей мыслью жирондистовъ, которая, какъ мы видѣли, нашла себѣ также выраженіе и въ ихъ проектѣ. Эта мысль дополняется здѣсь другой основной тенденціей, характеризующей жирондистскую партію, — стремленіемъ обезоружитъ революцію, но отнюдь не посредствомъ простого подавленія революціонныхъ выступленій, а путемъ организаціи самаго широкаго, самаго совершеннаго выраженія воли націи, путемъ устраненія всякаго рода поводовъ къ какому бы то ни было частичному недовольству. Примѣромъ того, какъ далеко

[1]) Titre IV, Sect. I, Art. 11—12 проекта.

шли въ этомъ направленіи жирондисты, можетъ служить интересная рѣчь Ласурса отъ 16 апрѣля 1793 г.[1]).

Въ этой рѣчи, представляющей изъ себя отвѣтъ на одну изъ многочисленныхъ петицій, представлявшихся въ Конвентъ отъ имени парижскихъ секцій и направленныхъ противъ жирондистовъ, *Ласурсъ* требовалъ признанія самыхъ крайнихъ выводовъ изъ основного жирондистскаго принципа. Народный представитель долженъ быть облеченъ довѣріемъ не своихъ только избирателей, но всей націи. Онъ долженъ быть представителемъ всей націи въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Для этого послѣ выборовъ народныхъ представителей снова должны быть созываемы всѣ первичныя собранія республики, на этотъ разъ для того, чтобы рѣшать вопросъ о каждомъ избранномъ депутатѣ въ отдѣльности. Такимъ образомъ въ первый разъ разбираются только кандидаты. И только тѣ изъ нихъ, за которыхъ затѣмъ выскажется большинство первичныхъ собраній всей республики, получаютъ званіе народныхъ представителей. Взглядъ на законодательный корпусъ, какъ на парламентарное министерство, этотъ своеобразный жирондистскій парламентаризмъ достигаетъ здѣсь крайнихъ своихъ предѣловъ. Доктринерство ихъ такъ и бросается въ глаза. Жирондисты не отступали передъ проведеніемъ своихъ принциповъ въ жизнь, несмотря на то, что проводить эти принципы большею частью было невозможно или опасно. Поэтому ихъ проектъ является образцомъ крайне демократической, но совершенно невыполнимой конституціи. Онъ предполагаетъ въ качествѣ нормальнаго явленія совершенно исключительный интересъ гражданъ къ дѣлу управленія, не говоря уже о томъ, что онъ требуетъ отъ каждаго гражданина колоссальныхъ жертвъ временемъ. Выборы властей всякаго рода, судей, министровъ, народныхъ представителей, наконецъ, утвержденіе

[1]) *Buchez* et *Roux*, XXVI, стр. 31—32.

законовъ и пользованіе правомъ «народной цензуры»,— все это — дѣло гражданъ, которые должны по всѣмъ этимъ поводамъ собираться въ первичныхъ собраніяхъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ любопытной преемственностью воззрѣній жирондистовъ съ основными чертами стараго порядка. Это—стремленіе все регламентировать, все предусмотрѣть, направить все по заранѣе опредѣленному, намѣченному пути. Только тамъ это было результатомъ ревнивой бюрократической опеки правящаго центра надъ всѣмъ населеніемъ, вызывалось боязнью самодѣятельности населенія. Все предусматривающая, все регламентирующая опека имѣла цѣлью замѣнить эту самодѣятельность. Все предусматривающая регламентація жирондистскаго проекта имѣетъ цѣлью, наоборотъ, эту самодѣятельность вызвать. Связь между обѣими регламентаціями ясна. Вторая есть реакція противъ первой. Она заботливо стремится не только уничтожить всѣ ограниченія стараго порядка, но и предупредить ихъ вторичное появленіе. А для этого она и хочетъ все предусмотрѣть, все охранить, все обезпечить формулой закона. Обоимъ, какъ бюрократіи, такъ и жирондистскому проекту, обща вѣра въ жизненную спасительность бумажныхъ предписаній, вѣра въ «гувернаментализмъ»—Vielregiererei, какъ говорятъ нѣмцы. Одни только видятъ источникъ этихъ предписаній въ волѣ самодержавной бюрократіи, другіе—въ выражающейся въ законѣ волѣ всей націи, въ «volonté générale». Вся нація въ ея цѣломъ, а не какая-нибудь, хотя бы самая передовая, развитая ея часть будь то «просвѣщенная» бюрократія или пролетаризированное населеніе столицы, должна быть источникомъ власти, должна осуществлять суверенитетъ. Это — раціонализмъ чистой воды, поддержанный пережитымъ въ началѣ революціи національнымъ чувствомъ, о которомъ мы говорили выше, и въ этомъ смыслѣ, конечно, жирондисты являются типичными представителями своего вѣка. Только игнори-

рованіе фактическихъ отношеній, совершенное отсутствіе «историческаго чувства» и могли создать ту систему непрерывнаго «самоправленія», которую невозможно было бы провести въ жизнь и въ странахъ съ гораздо большимъ политическимъ опытомъ, нежели Франція эпохи революціи.

Въ этомъ отношеніи монтаньяры, несмотря на весь свой раціонализмъ, все-таки гораздо реалистичнѣе жирондистовъ. Они чувствовали свою связанность съ конкретными силами революціи, поддерживавшими ихъ собственную власть, и въ этомъ смыслѣ у нихъ было если и не „историческое чувство“ вообще, то живое чутье дѣйствительности, вѣрное пониманіе тѣхъ историческихъ силъ, которыя опредѣляли развитіе эпохи. Такъ, напр., монтаньярскій проектъ и окончательный текстъ конституціи 93 года, въ противоположность жирондистскому, сохраняетъ старое дѣленіе „по департаментамъ, округамъ и коммунамъ“ [1]). Въ докладѣ своемъ авторъ монтаньярскаго проекта *Эро-де-Сешелль* рѣзко отвергаетъ всякую мысль объ уничтоженіи старыхъ муниципалитетовъ. «Могли ли мы,—пишетъ онъ,—не сохранить существующіе муниципалитеты, какъ бы ни была велика ихъ численность? Это было бы неблагодарностью по отношенію къ революціи, преступленіемъ противъ свободы. Что говорю я! Это значило бы дѣйствительно уничтожить народное правительство. Какое несчастье для гражданъ, если бы въ нѣкоторыхъ изъ ихъ коммунъ (а въ случаѣ сокращенія муниципалитетовъ оно не могло бы ограничиться менѣе, чѣмъ 14 тысячами) они были бы лишены утѣшенія братски участвовать въ самоуправленіи... Нѣтъ, мысль объ уменьшеніи муниципалитетовъ могла возникнуть только въ головахъ аристократовъ, откуда она перешла въ головы умѣренныхъ».

Монтаньяры поэтому менѣе заботились о принци-

[1]) Стр. 3 конст. 93 года.

пахъ, нежели жирондисты. Когда и имъ въ концѣ-концовъ нужно было дать конституцію, которую страна ожидала отъ нихъ, они ограничились тѣмъ, что воспользовались тѣмъ же самымъ безпощадно раскритикованнымъ ими жирондистскимъ проектомъ, только исказивъ и значительно упростивъ его. Ихъ конституція тоже оказалась мертворожденной. Но, судя по спѣшности ея выработки, по небрежности и общности, съ которой формулированы ея статьи, и отсутствію цѣлаго ряда важныхъ отдѣловъ, можно согласиться съ тѣми изслѣдователями и современниками, которые утверждали то, что, вырабатывая конституцію, монтаньяры и не собирались серьезно проводить ее въ жизнь, но что единственной цѣлью ихъ въ данномъ случаѣ была критика. А въ этомъ отношеніи конституція 1893 года и въ особенности докладъ къ ней *Эро-де-Сешелля*, автора конституціи, представляетъ въ высшей степени интересный и серьезный документъ. Критика, въ немъ заключенная, несравненно глубже и серьезнѣе, чѣмъ всѣ въ сущности ничего не стоящія обвиненія жирондистовъ въ аристократизмѣ и федерализмѣ. Монтаньяръ Эро-де-Сешелль правильно подмѣтилъ слабое мѣсто жирондистскаго проекта. Особенно подробно критикуетъ онъ организацію исполнительной власти согласно жирондистскому проекту.

«Народъ не представляютъ въ выполненіи его воли,— говоритъ онъ въ своемъ докладѣ.—Совѣтъ поэтому совсѣмъ не носитъ (по конституціи 93 г.) представительнаго характера» [1]). Независимость его по отношенію къ законодательному корпусу раздробляетъ власть, угрожаетъ единству государства. Поэтому онъ назначается законодательнымъ корпусомъ изъ числа кандидатовъ, выбранныхъ избирательными, а не первичными собраніями [2]). Двухстепенные выборы, совершенно уничтожен-

[1]) *Lallement*, стр. 350—351.

[2]) Стр. 62 конст. 93 года.

ные жирондистами, сохраняются въ монтаньярскомъ проектѣ вообще для выбора «общественныхъ служащихъ» (fonctionneur public). «Народъ самъ долженъ признать, что большей частью онъ не въ состояніи выбирать ихъ, будь то потому, что въ кантонахъ не знаютъ обыкновенно достаточнаго числа способныхъ лицъ, будь то вслѣдствіе сложности и разнообразія ихъ обязанностей или, наконецъ, потому, что регистрація ихъ избирательныхъ листковъ отняла бы слишкомъ много времени и труда» [1]).

Эро-де-Сешелль вообще относится отрицательно къ той хитроумной и доктринерски-сложной системѣ выборовъ, которую предлагаетъ жирондистскій проектъ. Въ слѣдующихъ замѣчательныхъ выраженіяхъ мѣтко указываетъ онъ на доктринерское умничанье жирондистовъ: «Вы злоупотребляете разумомъ и временемъ народа, путаете его своими излишними сложными измышленіями; вы утомляете его формами демократіи вмѣсто того, чтобы прививать ему любовь къ свободѣ» [2]). Это недовѣріе къ умственнымъ и гражданскимъ доблестямъ народа, столь чуждое авторамъ жирондистскаго проекта, особенно характерно для монтаньяровъ. Если первые ставятъ себѣ единственной цѣлью дать наивозможно болѣе точное выраженіе «общей волѣ» *всей* націи и обезпечить наивозможно лучшее осуществленіе этой равномѣрно выраженной волѣ, какова бы она ни была, то вторые скептически относятся къ этой національной волѣ. Онѣ скорѣе имѣютъ свое собственное, можетъ, смутное, неясное, но все же представленіе о должномъ содержаніи этой національной воли, которое болѣе активная, болѣе зрѣлая часть народа должна внушить, преподать всему народу. Первые—просто демократы. Потому они, быть можетъ, болѣе доктринеры. Вторые болѣе, чѣмъ демократы. Потому-то они, быть можетъ, менѣе демократы.

[1]) *Lallement*, стр. 348.

[2]) Ibid.

IV.

Что жирондисты были только демократами, что ихъ политическая программа носила чисто формально-правовой характеръ, — это лучше всего уяснимъ мы тогда, когда обратимся къ одной еще совершенно не затронутой нами сторонѣ ихъ политическаго міровоззрѣнія. Какъ представляли они себѣ эту дѣятельность государства, объемъ этой дѣятельности и ея содержаніе?

Прежде всего — объемъ? Представляли ли они себѣ государство всемогущимъ, власть его—неограниченной? Или, наоборотъ, быть можетъ, они ограничивали власть государства сферою «вѣчныхъ неотъемлемыхъ» правъ, обязательныхъ также и для «общей воли» государства? И если—да, то какова была эта сфера? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, посмотримъ, какое значеніе въ ихъ конституціи занимаетъ Декларація правъ и какія права она устанавливаетъ.

«Французская нація конституируется въ единую и нераздѣльную республику и, основывая правленіе свое на признанныхъ и провозглашенныхъ ею правахъ человѣка и на принципахъ свободы, равенства и народнаго суверенитета, она принимаетъ слѣдующую конституцію». Такъ гласитъ торжественное введеніе къ конституціи по проекту жирондистовъ. Права человѣка, съ одной стороны, и народный суверенитетъ, съ другой,—вотъ, слѣдовательно, тѣ основные принципы, на которыхъ должна покоиться вся конституція. Оба принципа одинаково равноправны, одинъ не долженъ поглощаться другимъ. Не *Руссо*, значитъ, а «Декларація правъ» 89 года служитъ образцомъ для новой конституціи. Свобода человѣка не состоитъ въ простомъ участіи въ суверенитетѣ, какъ понимаетъ ее *Руссо*[1]). Согласно ст. 2-ой проекта Декларація правъ

[1]) О понятіи свободы у Руссо см. *Іеллинекъ*: «Декларація правъ человѣка и гражданина» (глава II), и *Анри Мишель:* «Идея государства» (введеніе).

(предпосланнаго проекта конституціи), «свобода заключается въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ правамъ другого; поэтому осуществленію естественныхъ правъ отдѣльнаго человѣка полагается предѣлъ только необходимостью обезпечить за другими членами общества пользованіе тѣми же правами»[1]). Такая свобода человѣка, включающая въ себя свободу выраженія мнѣній, прессы и совѣсти (ст. 4, 5, 2), а также другія права человѣка (равенство, безопасность, собственность, общественная гарантія и сопротивленіе угнетенію) обезпечивается участіемъ въ національномъ суверенитетѣ[2]).

Декларація правъ, согласно сущности своей, объемлетъ сферу вѣчныхъ правъ, измѣнять или нарушать которыя не властна никакая власть. Въ формулировкѣ ея чувствуется вліяніе англійскихъ диссидентовъ, выковавшихъ понятіе «неотъемлемыхъ правъ человѣка», и, пожалуй, даже можно предполагать здѣсь редакціонную руку Томаса Пэна, знаменитаго автора памфлета о «Правахъ человѣка», извѣстнаго дѣятеля и популярнѣйшаго въ Америкѣ человѣка, близкаго друга и сотрудника жирондистовъ, вотировавшаго вмѣстѣ съ ними и раздѣлившаго ихъ судьбу.

При внимательномъ изученіи жирондистскаго проекта конституціи можно, конечно, замѣтить въ немъ нарушеніе этихъ принциповъ и вліяніе стараго порядка. Это особенно сказывается на положеніи судебной власти, этой главной гарантіи охраненія всякаго рода правъ, которая, согласно проекту, далеко не пользуется тѣмъ могуществомъ, какъ хотя бы въ Англіи или Америкѣ. Судебная власть, правда, совершенно независима, вы-

[1]) Это буквальное повтореніе ст. 4 Декларація 89 года, кончающейся еще словами: «Эти границы могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ закономъ».

[2]) Ст. 3: «Сохраненіе свободы зависитъ отъ подчиненія закону, который есть выраженіе общей воли»... Ст. 25: «Соціальная гарантія этихъ правъ покоится на національномъ суверенитетѣ».

борна, назначается непосредственно народомъ. Но она ограничена въ своихъ правахъ, и именно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о правахъ государства, т.-е. администраціи. Авторы проекта опасаются ея «тираніи» [1]). Вся администрація какъ высшая, такъ и низшая, правда, подсудна общимъ судамъ. Но для самаго факта преданія суду не достаточно простого обвиненія со стороны гражданина или общественнаго прокурора («accusateur public»). Для этого необходимо предварительное разрѣшеніе со стороны директоріи департамента относительно подчиненныхъ ей властей, исполнительнаго совѣта—для членовъ администраціи департамента и законодательнаго корпуса—для членовъ исполнительнаго совѣта [2]).

Такъ, даже въ жирондистскомъ проектѣ конституціи осталась еще жива идея административной юстиціи,—идея, ведущая происхожденіе свое, какъ то выяснилъ *Токвиль*, отъ стараго порядка. Эта основная черта стараго бюрократическаго порядка осталась нетронутой даже при томъ совершенно безпримѣрномъ уничтоженіи бюрократіи и замѣны ея выборной администраціей, какая, какъ мы видѣли, проектировалась жирондистской конституціей. Это фактъ особенно интересный и характерный. Много, и не безъ основанія, говорили обыкновенно о томъ, что монтаньяры до извѣстной степени ученики стараго порядка. Мы видимъ, что онъ оказалъ вліяніе и на жирондистовъ. И причиной этого въ значительной степени является инстинктивное тяготѣніе къ идеѣ раздѣленія и равновѣсія властей, объясняющееся незнаніемъ и боязнью партійной жизни [3]).

---

[1]) *Lallement*, стр. 260.

[2]) Titre IV, Sect. I, Art. 22 и T. V, S. 1, ст. 21.

[3]) Особенно подробно остановился на связи идеи административной юстиціи съ идеей раздѣленія властей *Дайси* въ своей книгѣ «Основы государственнаго права Англіи» (стр. 250 и сл., изд. 1891 г.). Интересно, что *Токвиль*, впервые выяснившій вопросъ о происхожденіи и живучести административной юстиціи, тоже не обратилъ вниманія на

Но, вообще говоря, однако, это *единственный* и весьма слабый слѣдъ вліянія стараго порядка на жирондистовъ. *Луи Бланъ* въ общемъ безусловно правъ, приписывая имъ «индивидуализмъ Вольтера» и въ этомъ усматривая ихъ коренное различіе отъ монтаньяровъ [1]). Какими причинами ни вызывалась бы ихъ борьба противъ послѣднихъ, какъ бы ни были, быть можетъ, они виновны въ печальныхъ послѣдствіяхъ этой борьбы и въ той страстности, съ которой она велась, теоретическимъ оправданіемъ ихъ дѣйствій всегда все-таки служила глубоко запавшая въ ихъ душу вѣра въ присущія каждому человѣку неотъемлемыя естественныя права. Вѣра эта руководила ими въ процессѣ Людовика XVI, когда они, требуя независимости того суда, который будетъ судить низложеннаго короля, взывали къ гарантіямъ правосудія, охраняющимъ права *всякаго* гражданина. Такъ, напр., *Верньо*, возражая противъ объединенія въ лицѣ національнаго конвента «функцій обвиненія, присяжныхъ, законодателей, опредѣляющихъ судебныя формы, и судей, примѣняющихъ наказаніе согласно приговору», говоритъ въ своей рѣчи отъ 31 декабря 1792 г.: «Такое совмѣщеніе властей, говорятъ, было законно, потому что власть, полученная вами отъ народа, безгранична. По этому поводу я замѣчаю, что какъ бы ни была обширна ваша власть, она по природѣ своей кончается тамъ, гдѣ начинается деспотизмъ» [2]). То же чувство руководило жирондистами, когда они боролись противъ деспотизма Парижа. Тотъ же *Верньо* говоритъ въ своей рѣчи 13 марта 93 г., что «невозможно болѣе говорить объ уваженіи къ законамъ, о гуманности, о справедливости, о правахъ чело-

---

жирондистскій проектъ. Та конституція, о которой онъ упоминаетъ по этому поводу въ 4-ой главѣ II-ой книги «Стараго порядка», есть, повидимому, конституція VIII года (ст. 75-ая) — См. также *Дайси*, ibid., гл. XII, стр. 256.

[1]) Histoire, Livre IX, Chap. V.

[2]) *Stephens*, стр. 328 и сл.

вѣка», чтобы «не получить клички аристократа». «На глазахъ у всѣхъ,—продолжаетъ онъ,—развивалась эта странная система свободы, слѣдуя которой вамъ говорятъ: вы свободны, но думайте, какъ мы, по такому-то вопросу политической экономіи, а не то мы предадимъ васъ народному мщенію; вы свободны, но гните голову передъ идоломъ, которому мы возносимъ ѳиміамъ, а не то мы предадимъ васъ народному мщенію; вы свободны, но помогайте намъ преслѣдовать людей, которые внушаютъ намъ опасеніе своей честностью и знаніями, а не то мы заклеймимъ васъ смѣшными прозвищами и предадимъ народному мщенію» [1]). Или въ рѣчи своей 10 апрѣля 93 г.: «Пытались совершить революцію посредствомъ террора: я бы хотѣлъ совершить ее посредствомъ любви. Наконецъ, я думалъ, что намъ не слѣдовало подражать попамъ и служителямъ инквизиціи, лишь среди костровъ говорящимъ о своемъ милосердномъ Богѣ, намъ не слѣдовало говорить о свободѣ среди кинжаловъ и палачей» [2]). Въ этихъ вдохновенныхъ словахъ разгоряченнаго борьбой великаго оратора много, конечно, обиды и преувеличенія. Но зато сколько пророческаго дара! Несмотря на свое исповѣданіе Декларацiи правъ, формально мало чѣмъ отличающейся отъ жирондистской, монтаньяры все-таки кончили тѣмъ, что, совершенно въ духѣ неограниченной демократіи Руссо и въ противность основному «праву человѣка», провозгласили обязательную государственную религію «верховнаго существа».

Если такъ представляли себѣ жирондисты компетенцію государства, ограниченную, по ихъ мнѣнію, сферою неотъемлемыхъ правъ человѣка, то какъ они представляли себѣ дѣятельность государства съ точки зрѣнія ея положительнаго содержанія? Вопросъ этотъ приводитъ насъ непосредственно къ экономическимъ и соціальнымъ

[1]) *Stephens*, стр. 345—347.
[2]) Ibid. стр. 380.

взглядамъ жирондистовъ. Съ точки зрѣнія чисто формальной демократіи,—а жирондисты вѣдь и были такого рода «чистыми демократами»,—государство должно руководствоваться національной волей. Государство должно быть организованнымъ выраженіемъ воли націи. Но воля эта однако можетъ имѣть различное содержаніе Она обусловлена различными и измѣнчивыми соціальными факторами. Такимъ образомъ, она сама по себѣ отнюдь не представляетъ изъ себя постоянной величины. На этой почвѣ возникаетъ крайне интересная и важная коллизія. «Чистый демократъ», вообще говоря, не имѣетъ никакого права составлять себѣ какое бы то ни было апріорное представленіе о содержаніи національной воли. Его необходимо и единственно должны интересовать слѣдующіе два пункта: возможно болѣе точное выраженіе національной воли и возможно болѣе точное осуществленіе этой точно выраженной воли. Лишь счастливый случай можетъ повести къ тому, чтобы это апріорное *представленіе* «чистаго демократа» о *должномъ* содержаніи національной воли, совпало *на дѣлѣ* съ *фактической* волей уже существующей или только зарождающейся націи, чтобы то, что, по его мнѣнію, *должно* быть, совпало съ тѣмъ, что *есть* или что *необходимо будетъ*. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ «болѣе чѣмъ демократъ» можетъ остаться также и истиннымъ демократомъ. Чисто формальный демократъ однако всегда остается доктринеромъ, ибо, безъ представленія о должной волѣ націи, невозможно преслѣдовать цѣли какой бы то ни было реальной политики. Жирондисты и были такого рода доктринерами-демократами. Стремясь установить такой государственный строй, который обезпечивалъ бы наиболѣе совершенное выраженіе національной воли, они совсѣмъ упустили изъ виду возможное содержаніе этой воли. Они боролись противъ «тираніи Парижа», волѣ парижскаго населенія они хо-

тѣли противопоставить волю департаментовъ. Но сами они не знали, въ чемъ заключалась, каково было содержаніе этой воли департаментовъ. Одно только знали они хорошо: эта воля департаментовъ, въ которой должна совершенно раствориться воля одного изъ нихъ, воля парижскаго населенія, есть нѣчто совсѣмъ отличное, нежели то, чего домогаются Робеспьеръ и Маратъ. Поэтому жирондисты раздѣляютъ съ монтаньярами одну общую черту. Какъ нельзя себѣ представить монтаньяровъ безъ исключительныхъ положеній, безъ борьбы съ контръ-революціей внутри страны и войны съ внѣшнимъ завоевателемъ, такъ точно нельзя себѣ представить и жирондистовъ въ мирное послѣреволюціонное время, когда уже не нужно было бы бороться за законность и и за демократическій строй. У жирондистовъ не было сознанія опредѣленныхъ интересовъ, которые бы внушали имъ опредѣленную по содержанію волю. Поэтому они никогда не представляли собой *опредѣленной* классовой партіи, какъ это утверждаетъ, наприм., Зибель. Трудно даже сказать, на какія общественныя группы они опирались. Въ лучшемъ случаѣ это можно сдѣлать лишь отрицательно, опредѣливъ ихъ противниковъ.

Монтаньяры опирались на вполнѣ опредѣленную группу французскаго населенія. Это былъ низшій слой городского населенія, «peuple de sans-culottes». При этомъ, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать санкюлотовъ съ пролетаріатомъ, какъ общественнымъ классомъ. Подобное отождествленіе было бы весьма грубой ошибкой. Подъ санкюлотами слѣдуетъ скорѣе разумѣть всѣхъ тѣхъ, кто были жертвами новаго общественнаго порядка, призваннаго къ жизни революціей. Санкюлоты и чувствовали себя лишь *жертвами*, а отнюдь не *врагами* этого новаго общественнаго строя. Они поэтому и не боролись за новое *право*, какъ, наприм., современные соціалисты. Робеспьеръ и Маратъ никогда не были соціалистами, они

никогда не хотѣли уничтожать частной собственности. Даже извѣстная «соціалистическая» декларація правъ Робеспьера, которую онъ изъ чисто тактическихъ соображеній опубликовалъ 21 апрѣля 1793 года въ якобинскомъ клубѣ и, отъ которой онъ затѣмъ черезъ 3 мѣсяца отказался, не имѣетъ въ виду упраздненія, но лишь ограниченіе права собственности [1]). Вся дѣятельность монтаньяровъ въ этомъ отношеніи была направлена лишь на то, чтобы задержать уже начавшійся процессъ вырожденія новаго права въ новую привилегію. Монтаньяры стремятся лишь къ «справедливымъ отношеніямъ» внутри существующаго правопорядка. Они борются противъ «agioteurs, accapareurs», противъ биржевиковъ и эксплуататоровъ, но не противъ работодателей. Поэтому они домогаются лишь таксы на хлѣбъ, максимума на цѣны, максимума на частную собственность, которая все же остается частною собственностью. Они инстинктивно чувствуютъ, что всѣ ихъ усилія направлены на то, чтобы затормозить неизбѣжный историческій процессъ. Они не стремятся измѣнить условій производства, они хотятъ измѣнить только распредѣленіе богатствъ, но при тѣхъ же производственныхъ отношеніяхъ. Поэтому проповѣдь ихъ необходимо носитъ аскетическій характеръ, они говорятъ объ ограниченіи потребностей. Только при такомъ ограниченіи и возможно при данныхъ условіяхъ достичь болѣе справедливаго распредѣленія благъ. Съ этой точки зрѣнія мы понимаемъ «спартанскій духъ» монтаньяровъ, ихъ «республику Ликурга». Мы понимаемъ также ихъ уравнительныя стремленія.

Противъ этихъ уравнительныхъ стремленій особенно энергично возставали жирондисты. «У одного изъ тира-

---

[1]) Текстъ декларації см. у *Buchez* et *Roux*, XXV, гдѣ также помѣщена рѣчь Робеспьера. Ср. Оларъ, «Исторія», § 3, гл. 4, ч. 2. Также статью его «Les origines du socialisme français», въ «Etudes et Leçons sur la Révolution Française», IV série, 1904, стр. 48 и сл.

новъ древности,—говоритъ *Верньо*, обращаясь къ народу [1]),—было ложе, на которое онъ укладывалъ всѣ свои жертвы, изувѣчивая тѣхъ, для которыхъ ложе было слишкомъ коротко, и жестоко растягивая члены тѣмъ, для которыхъ оно было слишкомъ велико. Этотъ тиранъ любилъ равенство, и таково же равенство тѣхъ злодѣевъ, которые раздираютъ тебя своею яростью! Для человѣка, живущаго въ обществѣ, подъ равенствомъ нужно понимать лишь равенство правъ; не равенство состояній, такъ же какъ не равенство роста, силъ, ума, энергіи, искусства и труда».

Жирондисты, какъ извѣстно, всегда высказывались и голосовали противъ всякаго рода принудительныхъ мѣропріятій въ экономической области, предлагавшихся монтаньярами. Такъ, наприм., 18 апрѣля 1793 г. *Верньо* произнесъ большую рѣчь противъ максимума [2]). *Барбару* весьма рѣшительно высказался противъ принудительнаго займа («emprunt forcé»), требовавшагося монтаньярами на военныя нужды [3]). Жирондисты стремились къ аѳинской республикѣ, ихъ взорамъ представлялась богатая, блестящая нація, въ которой нѣтъ мѣста нивелированію и пониженію общаго культурнаго уровня. Такъ, въ рѣчи своей о конституціи (8 мая 1793 года) *Верньо* говоритъ [4]):

«Безумцемъ былъ бы тотъ законодатель, который обратился бы къ французамъ съ такими словами: «У васъ есть плодородныя равнины, не засѣвайте ихъ; у васъ есть великолѣпные виноградники, не производите вина. Земля ваша, изобилующая самыми разнообразными плодами, можетъ, кромѣ насущныхъ потребностей, удовлетворить и радостямъ жизни; смотрите, не обрабатывайте

---

[1]) 13 марта 1793 г. *Stephens*, стр. 358.

[2]) *Buchez* et *Roux*, XXVI, стр. 51—52. Ср. также *Оларъ*, «Исторія», ч. II, глава VI, § 6.

[3]) *Buchez* et *Roux*, XXVII, стр. 139—150. *Оларъ*, ч. II, гл. VIII, § 3.

[4]) *Buchez* et *Roux*, XXVI, стр. 396.

ея. У васъ есть рѣки, по которымъ ваши департаменты могутъ провозить различные продукты и, обмѣниваясь другъ съ другомъ, установить по всей республикѣ равновѣсіе въ потребленіи: смотрите, не дѣлайте этого. Вы родились промышленнымъ народомъ, забудьте о мануфактурахъ. По водамъ океана и Средиземнаго моря вы можете установить братскія сношенія со всѣми народами міра, забудьте о мореплаваніи». И далѣе: «...Я думаю, что вы воспользуетесь воспріимчивостью французскаго народа для того, чтобы вселить въ него республиканскія доблести; его трудолюбіемъ—для того, чтобы умножить источники его благосостоянія; его географическимъ положеніемъ—для того, чтобы увеличить его торговлю; его любовью къ равенству—для того, чтобы сдѣлать его другомъ всѣхъ народовъ; его силой и мужествомъ—для того, чтобы вселить къ нему уваженіе и страхъ въ тиранахъ; энергіей его духа, окрѣпшаго среди бурь революціи,—для того, чтобы побудить его на героическіе подвиги; наконецъ, его геніемъ—для того, чтобы онъ осчастливилъ и возвеличилъ бы человѣческій родъ прекрасными произведеніями искусства и великими открытіями».

Не слѣдуетъ думать, однако, что жирондисты совершенно упускали изъ виду интересы широкихъ народныхъ массъ. Въ той же рѣчи *Верньо* говоритъ, что «путемъ разумныхъ мѣропріятій конституція должна предотвратить упадокъ нравовъ, который неизбѣжно возникаетъ тамъ, гдѣ устанавливается слишкомъ большое неравенство въ имущественныхъ отношеніяхъ». «Жирондисты,—говоритъ Жоресъ [1]),—отнюдь не относятся равнодушно къ положенію бѣдныхъ классовъ населенія и къ благосостоянію рабочаго класса. Они считаютъ, что общее богатство всей націи благотворно отзовется также

[1]) «La Législative», стр. 1011.

и на рабочихъ, подобно обильному источнику свѣта, ярко освѣщающему все, что его окружаетъ, и путемъ отраженія проникающему даже туда, куда отдѣльные лучи не въ состояніи проникнуть».

Подобные взгляды дѣйствительно соотвѣтствовали реальному положенію дѣлъ въ кратковременную эпоху расцвѣта экономической жизни, какой Франція переживала въ первые два года (1791—92) послѣ совершившейся до этого соціальной революціи, которая, какъ извѣстно, заключалась въ уничтоженіи остатковъ феодализма и въ мобилизаціи стараго феодальнаго землевладѣнія. Въ эти недолгіе годы нація, въ которой тогда было живо еще чувство національнаго единенія, широко пользовалась преимуществами свободной торговли, между рабочими и работодателями не замѣчалось еще никакого рѣзкаго противорѣчія [1]), злоупотребленія въ области обмѣна были еще мало замѣтны, либо вовсе отсутствовали. Новая, если и не буржуазная (такъ какъ понятіе класса исключаетъ понятіе націи), то все же капиталистическая нація только что родилась, нужно было очистить путь для ея развитія, и тѣ, кто стремились къ этому, преслѣдовали отнюдь не узко-классовые буржуазные, но истинно національные интересы [2]).

Но это продолжалось не долго. Послѣ 10 августа нація распалась, національное самосознаніе было замѣнено инстинктивнымъ классовымъ чувствомъ. Жирондисты просмотрѣли этотъ фактъ. Въ годы ожесточеннѣйшей классовой борьбы они не хотѣли даже слышать о классахъ. «Почему,—говоритъ *Гюадэ* [3]), обращаясь къ монтаньярамъ,—почему вы изображаете народъ въ видѣ взаимно-борющихся классовъ? Почему вы всегда еще

---

[1]) См. объ этомъ: *Jaurés:* «La Législative» стр. 1016 и сл.

[2]) Срв. замѣчательныя страницы у *Jaurés*'а, «La Convention» т. I, стр. 174 и сл.

[3]) 2 янв. 1793 г. Stephens, I, стр. 407.

сильнѣе подчеркиваете противорѣчіе между богатымъ и бѣднымъ, между тѣми вашими согражданами, которые могутъ оплачивать полезный трудъ, и тѣми, которые живутъ трудомъ рукъ своихъ?» Въ этомъ отношеніи жирондисты оказались доктринерами, они не въ состояніи были больше вести реальной политики. Почва ускользнула у нихъ изъ-подъ ногъ. Поэтому они принуждены были уступить мѣсто людямъ иного склада. Въ этомъ положеніи они, быть можетъ, безсознательно и инстинктивно попытались опереться на верхніе слои буржуазіи, какъ это полагаетъ Зибель. Но по существу своему они никогда не были представителями своекорыстныхъ частныхъ интересовъ.

Если жирондисты возставали противъ вмѣшательства государства въ экономическую жизнь націи, то ихъ ни въ коемъ случаѣ нельзя отождествлять съ манчестерцами. Они просто жили въ такую эпоху, которой незнакомы были еще задачи соціальной политики въ современномъ смыслѣ. На очереди стояли вопросы совершенно иного, политическаго порядка. Манчестерская теорія, наоборотъ, сознательно полагаетъ государству исключительную цѣль охраненія частныхъ интересовъ гражданъ. Она видитъ въ государствѣ лишь организованную охрану частной собственности и свободной торговли. Эта въ сущности антигосударственная и потому «варварская идея будочника» (Nochtwächteridee), какъ ее называетъ Лассаль, была совершенно чужда жирондистамъ. Какъ истинные демократы, они понимали, что настоящее самоуправленіе народа подразумѣваетъ весьма высокій культурный уровень его. Поэтому главную задачу государства они видѣли въ поднятіи общаго культурнаго уровня націи. Въ жирондистской Декларації правъ мы находимъ статью (23), въ которой провозглашается даровое, обязательное и равное для всѣхъ гражданъ образованіе. Еще 21—22 апрѣля 1792 г. *Кондорсе* представилъ зако-

нодательному собранію законопроектъ, проводившій въ общемъ аналогичныя мысли [1]). Въ одномъ отвѣтѣ на петицію депутаціи артистовъ конвенту, *Верньо*, бывшій въ тотъ день предсѣдателемъ конвента, заявляетъ, что высшей задачей государства является покровительство искусствамъ и художникамъ [2]).

Выдающіеся ораторы, жирондисты вѣрили въ силу слова, въ власть образованія. Они сами были художниками въ душѣ, и ихъ взорамъ представлялась въ качествѣ идеала нація художниковъ, богатый и возвеличенный славою народъ.

---

[1]) Ср. *Cohen*, н. с., стр. 371.

[2]) *Aulard*. «Les Orateurs etc», 2 éd., I. стр. 316.